В.С. Парсамов

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАТОРЫ*

Аннотация. В статье рассматривается эволюция представлений европейских политиков и публицистов о Священном союзе в период между Венским конгрессом и подавлением европейских революций в 1823 г. Делается вывод о том, что все стремления проникнуть в суть замысла русского царя, равно как и либеральная критика Священного союза не раскрывают его подлинной сущности, которая и до сих пор во многом остается загадочной.

Ключевые слова: Священный союз, Александр I, европейская политика, Сен-Симон, Прадт, Шатобриан, Каннинг, Б. Констан, Люллен де Шатовье.

Парсамов Вадим Суренович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.
E-mail: parsamovvs@gmail.com

V.S. Parsamov. The Holy Alliance and its Interpreters

Abstract. The article studies the evolution of the ideas of European politicians and journalists about the Holy Alliance in the period between the Congress of Vienna and the suppression of European revolutions in 1823. It concludes that the attempts to comprehend the plan of the Russian Tsar, as well as the liberal criticism of the Holy Alliance could not reveal its true identity, still remaining mysterious.

* Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ–ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ–ВШЭ.

Keywords: *The Holy Alliance, Alexander I, European politics, Saint-Simon, Pratt, Chateaubriand, Canning, B. Constant, Lullin de Sotovie.*

**Parsamov Vadim Surenovich – D. Hist. Sciences, Professor,
chief research fellow of Poletaev Institute for theoretical
and historical studies in the humanities, Professor,
School of History, National research University
«Higher school of Economics».
E-mail: parsamovvs@gmail.com**

Первая проблема, с которой сталкивается исследователь Священного союза, – это неопределенность самого понятия, еще больше усиливающаяся от широкого разброса интерпретаций. В середине XX в. французский исследователь М. Буркэн поставил вопрос: «Что такое Священный союз? Надо договориться на этот счет, потому что, несмотря на очевидность, выражение двусмысленное». Далее Буркэн предлагает различать термин «Священный союз» в узком смысле – как «мистический договор 26 сентября 1815 г.» и в широком смысле – как «собрание постановлений, которые создали, утвердили и изменили Четверной союз» [7, с. 85]. Сам Буркэн понимает Священный союз именно в этом широком смысле. Его монография продолжает традицию изучения этого явления в качестве составной части дипломатической истории Европы. В работах подобного типа¹, как правило, либо игнорируется совсем, либо рассматривается попутно связь Священного союза с религиозными исканиями Александра I. В противовес этой линии возникла тенденция религиозно-мистической трактовки Священного союза. Наиболее детально она представлена в работах Ф. Лея [13; 14]. Автор практически не касается вопросов дипломатии и политики. Священный союз трактуется им как этап в эволюции религиозных взглядов царя. При этом всячески подчеркивается роль баронессы В.Ю. фон Крюденер в создании Акта о Священном союзе.

Еще до появления монографии Ф. Лея «Александр I и его Священный союз» во Франции вышла книга Г. Бертье де Совиньи, в которой была предпринята попытка синтезировать различные точки зрения на Священный союз. Автор выделяет три значения самого термина и соответственно три ключевые политические фигуры: 1) мистическое создание самого Александра I; 2) Четверной союз, созданный для наблюдения над Францией, вдохновителем

1. Наиболее полно эта концепция представлена в: [18]. Автор рассматривает Священный союз не просто как факт европейской дипломатии, но и как явление мирового масштаба. В основе Союза, по мнению автора, лежало противоборство Англии и России в поисках универсального равновесия.

которого был Каслри и 3) система Меттерниха, объединяющая в себе два первых значения [5].

В дальнейшем нас будут интересовать не исследовательские интерпретации, рассматривающие различные грани Священного союза, а его восприятие современниками. В отличие от историков, имеющих дело с застывшим корпусом источников, современники наблюдают живое явление, раскрывающееся перед ними во времени. И если историки спорят, как правило, об одних и тех же текстах, то разногласия современников нередко обуславливаются тем, что речь идет о разных явлениях, обозначаемых единым понятием. Перед глазами современников смысл Священного союза разворачивался во времени, и поэтому они часто разные оттенки смысла принимали за смысл в целом. Мне уже приходилось писать об интерпретации Священного союза его первыми реципиентами (баронессой Крюденер, А. Стурдза, К. Меттерних, Ж. де Местром [1]). Не повторяя уже сказанного, я постараюсь проследить, как во времени менялись общественные представления о Священном союзе на протяжении семи лет его существования, т.е. с момента подписания Акта до Веронского конгресса 1822 г., и как постепенно выкристаллизовывалось представление о реакционности Священного союза, во многом определившее последующее его восприятие как в историографии, так и в массовом сознании.

В намеченном временном промежутке можно выделить два этапа интерпретаций. Первый – с 1815 по 1818 г., т.е. с момента подписания Акта до Аахенского конгресса, и второй этап – с 1818 по 1822 г., т.е. период конгрессов. Для первого этапа характерно стремление либо вписать Священный союз в контекст общих представлений о необходимости преобразований Европы после Наполеоновских войн, либо проникнуть в замыслы Александра I, скрываемые им за туманными формулировками Акта. В первом случае идея Священного союза интерпретировалась как ответ на вызов времени, во втором случае – как плод индивидуального «творчества» русского царя.

Идеи объединения Европы на религиозной основе, ставшие фундаментом Священного союза, можно сказать, витали в воздухе. Еще в 1802 г. Л.Г.А. Бональд писал, что «революция, начавшаяся декларацией Прав человека, окончится декларацией прав Бога» [6, с. 96]. В марте 1814 г. Ф.Р. де Шатобриан в своей знаменитой брошюре «О Бонапарте и Бурбонах», как бы предвосхищая формулы Акта о Священном союзе, писал: «Все короли как братья, соединенные христианской религией и древностью воспоминаний» [9, с. 78].

Осенью того же года во время работы Венского конгресса вышла брошюра К.А. Сен-Симона и его ученика А. Тьерри, в которой авторы излагали свой план объединения Европы путем создания общеевропейской парламентской монархии по английскому образцу с палатой общин и палатой пэров [21]. На этом эпизоде можно было бы не останавливаться, если бы впоследствии

ствии Сен-Симон не пересмотрел свои взгляды на процесс объединения Европы под влиянием Священного союза. Уже после его смерти в 1825 г. была опубликована его статья «Некоторые философские рассуждения для применения в XIX веке» [20, с. 25–86; 4, с. 273–317].

Предложенная Александром I формула европейского единства показалась Сен-Симону более отвечающей потребностям времени, чем его собственный проект. Принимая ее как новое слово в европейской политике, философ выделяет четыре попытки реорганизации Европы начиная с 1793 г. Первая – опыт был поставлен якобинцами, которые пытались возродить обычаи и нравы древних греков и римлян. По мнению Сен-Симона, это было все равно, что одеть взрослого человека в детские одежды. «Эта попытка, – пишет он, – имела попятное направление и, следовательно, была ложной» [4, с. 307]. Вторая попытка была предпринята Наполеоном, старавшимся возродить эпоху Карла Великого. Это было менее абсурдным, чем опыт якобинцев, так как ретроградация в данном случае не заходила так далеко. Третий, современный, опыт – это то, что еще недавно предлагал сам Сен-Симон – «перенос на континент английской конституции». Эта попытка ему казалась предпочтительнее двух предыдущих. Тем не менее она также с изыском, «потому что ставит себе целью навязать народам континента такую форму общественного устройства, которая была создана и проведена в жизнь больше столетия тому назад, когда весь континентальный разум еще не пришел в движение в области политики» [4, с. 312]. Наконец, четвертый проект (речь идет о Священном союзе), в отличие от всех трех предыдущих, имеющих пусть в разной степени, но все-таки ретроградный характер, полностью устремлен в будущее. «Это учреждение объединений является естественным результатом предшествующей цивилизации и наилучшим средством перехода от феодального строя к промышленному» [там же].

Главное отличие Священного союза от предшествующих опытов реорганизации Европы заключается, по Сен-Симону, не только в том, что он соединяет в себе объединительные и миротворческие идеи, но и является высшей общеевропейской властью, которая подчиняет себе все духовные и мирские власти. «Благодаря Священному союзу, – пишет Сен-Симон, – евангельская мораль стала господствующей в Европе, мораль же, созданная различными религиозными сектами, имеет только местный характер: она подчинена наиболее человеколюбивой толерантной морали, когда-либо существовавшей. Вследствие этого философы могут свободно и смело работать над усовершенствованием общественного организма» [4, с. 313].

В дипломатических кругах идея Александра I не встретила понимания. По свидетельству Роксандры Стурдзы, «императора стали считать либо фанатиком и слабоумным, либо искусным и глубоким макиавеллистом» [12, с. 242–243]. Первую точку зрения об умственном нездоровье царя и безобид-

ности Священного союза высказал британский министр иностранных дел Р.С. Каслри. В донесении Р.Б.Дж. Ливерпулю от 28 сентября 1815 г. из Парижа, назвав Священный союз «возвышенным абсурдом», он тем не менее положительно оценил саму идею объединения трех могущественных монархов, готовых использовать «всё свое влияние для поддержания мира». И даже принцу-регенту советовал принять предложения царя и «соединиться сердцем и душой с августейшими союзниками». Правда при этом Каслри, по его словам, осмелился выразить Александру I «свое удовлетворение, что союзники не придали этому документу (т.е. Акту о Священном союзе. – В. П.) официального характера, который он бы неизбежно получил при публикации в качестве государственного акта». По мнению английского дипломата, Священный союз должен быть делом совести европейских монархов, а не предметом политических дискуссий. Любопытно, что главным аргументом в пользу искренности русского царя, Каслри считает его умственное расстройство: «Несомненно, рассудок императора не совсем здоров. В прошлом году было достаточно оснований считать, что он стремится к завоеваниям и господству. Теперь же всеобщее мнение состоит в том, что он настроен основать свою славу на принципе *мира* и *доброжелательности*. С тех пор как решен польский вопрос в течении дел ничто не обнаруживает иную цель. Он представляется по-настоящему искренним» [цит. по: 5, с. 65–69]. Примерно с этих же позиций, представляющих Священный союз как систему идей, не противоречащих миру, писал 31 декабря 1817 г. французский посол в Петербурге Жюст де Ноай графу де Ришелье, занимавшему в то время пост министра иностранных дел. Мысль его заключалась в том, что Александр I, провозгласив нравственные принципы в политике, сам стал их заложником. Каковыми бы ни были его истинные намерения, он не сможет открыто нарушать то, что сам «торжественно провозгласил» [3, с. 529].

Иную реакцию Священный союз вызвал у австрийской дипломатии, представленной канцлером К. Меттернихом и его советником Ф. Генцем. С их точки зрения под мистическими заявлениями о мире и братской любви скрывались воинственные замыслы царя. Правда, когда стали распространяться слухи, представляющие Священный союз как воплощение идеи крестового похода против мусульманского мира, Меттерних, как и Александр I, со своей стороны поспешил заверить Турцию в том, что ей ничего не угрожает. Примерно в то же время австрийский канцлер выступил на страницах «Австрийского наблюдателя» с разъяснением для журналистов неофициального характера Священного союза, который является не межгосударственным соглашением, а всего лишь выражением чувств и мыслей отдельных государей по поводу взаимоотношений народов и правительств [17].

Почему европейские дипломаты не приняли всерьез идею Священного союза? Во-первых, потому, что в его тексте они не обнаружили никаких

взаимных обязательств правительств по отношению друг к другу. Во-вторых, документ не только начинался, но и заканчивался провозглашением принципов, которые одновременно представляли и цель, и средства ее достижения. Против этих принципов нечего было возразить, но использовать их в практике международных отношений также было невозможно. В-третьих, Акт о Священном союзе был составлен и подписан лично государями, без контрасигнатуры министрами и без ратификации структурами государственной власти. В-четвертых, подписанию Акта не предшествовало его обсуждение на международных переговорах, а просто государи в процессе личного контакта друг с другом ставили свои подписи.

Возможно, что по этим же самым причинам Священный союз до 1818 г. не привлекал к себе серьезного внимания со стороны общественного мнения. В 1818 г. после публикаций актов Аахенского конгресса о Священном союзе заговорили как о реальной политической силе. Конгресс в Аахене первоначально мыслился как переговоры представителей стран – участниц Четвертого союза, заключенного в ноябре 1815 г. Австрией, Англией, Пруссией и Россией для наблюдения за Францией и предотвращения возможного рецидива бонапартизма. Поскольку в Аахене Франция официально присоединилась к Четвертому союзу, то последний утратил всякий смысл. И тогда идея Священного союза не разделяющего, а наоборот, объединяющего европейских держав, оказалась востребованной. Став своего рода «правопреемником» Четвертого союза, Священный союз получил не свойственные ему изначально полицейские функции, но направил их теперь не против какого-либо государства, а на поддержание порядка в Европе. При этом подразумевалось, что потенциальными нарушителями порядка являются не монархи, законно занимающие свои престолы, а народы. Именно это имел в виду Д. Прадт, когда писал по поводу деклараций Аахенского конгресса: «Общественное мнение решило, что оно сняло покрывало, окутывающее секретный союз государей против народов. В это поверили с тем большим основанием, что многие фразы этой декларации напоминали акт о Священном союзе, который при его публикации был расценен как *Апокалипсис дипломатии*» [19, с. 301].

Впрочем, пока народы вели себя спокойно Священный союз не вызывал ни споров, ни особого интереса. Когда же в начале 1820-х годов в Европе поднялась новая революционная война, Священный союз стал одной из наиболее обсуждаемых тем в европейской публицистике. Либеральные авторы констатировали перерождение Священного союза и видели в нем стремление остановить естественное развитие европейского континента. В газете «*Courrier français*» от 28 октября 1822 г. появилась рецензия Бенжамена Констана на брошюру Альфонса Жака Мауля «О Священном союзе и ближайшем конгрессе» [16]. Констан ставил в заслугу автору брошюры то, что тот пишет не

об определенной цели, преследуемой Священным союзом, как это делают большинство авторов, а показывает, «как эта цель изменилась, и как творение выскользнуло из рук творца». «Любопытно наблюдать августейшее собрание, – продолжает Констан, – согласовывающее с глубиной и усилием средства для поддержания мира в Европе, и доводящее ее своими комбинациями до положения, в котором вот-вот начнется война» [11]².

Священный союз, стремящийся к тому, чтобы ничего не менялось вокруг него, изменился сам и продолжает, как утверждает Мауль, меняться. Александр I, представлявший себя «могущественным апостолом порядка, права, стабильности и всеобщей законности», принял неподвижность за мир. Побудительными причинами изначально были стремление успокоить народы, пережившие бурные потрясения революционной эпохи, и вернуть людям человеческое достоинство. Изначально не имея перед собой никакой практической цели, Священный союз являлся лишь средством для самовыражения экзальтированного царя. Поэтому эта царская идея не вызвала энтузиазма ни у дипломатов, встретивших ее с улыбкой, ни у народов, «которые легко осознали, что нет никакой необходимости в коалиции всех государей, для того чтобы поддерживать мир в Европе, когда и так никто не хотел войны» [16, с. 8–9]. Более важным для европейских народов стало требование совершенствовать политические системы внутри своих государств. И вот тут, как пишет Мауль, нашлась работа для Священного союза: «От филантропических теорий, которыми его создатель обернул его колыбель, он перешел на проторенные пути административных дрызг (*administration tracassière*)» [16, с. 11]. Для Александра I это означало пожертвовать принципами, вдохновившими его на создание Священного союза. Царь не мог предвидеть, что ему придется пожертвовать греками, надеющимися на его помощь против Турции, отдать всю Италию австрийцам, поддерживать во Франции ультраправых, добившихся отставки министерства Ришелье.

Резюмируя рецензируемого автора, Констан писал, что «цель Священного союза была двойной и двусмысленной, или скорее, она преследовала последовательно две цели» [11]. Первая цель была бесполезной, так как европейскому миру после окончательного изгнания Наполеона ничто не угрожало, вторая – невозможной, так как мир неудержимо работал над собственным улучшением и сохранять его в неподвижности было химерой. Поэтому подспудно возникла новая цель – противостоять конституционным режимам, которые с исторической неизбежностью стали распространяться по Европе. Таким образом, идея мира обернулась идеей войны.

2. Статья была опубликована анонимно. О том, что ее автором является Б. Констан, см.: [5, с. 332].

С апологией Священного союза выступил Шатобриан в палате депутатов 25 февраля 1823 г. Как министр иностранных дел Шатобриан должен был оправдать в глазах общественного мнения необходимость интервенции в Испанию для подавления там революции. Противники интервенции, поддерживаемые Англией, ссылались на международное право, запрещающее вмешательство во внутренние дела других государств, и осуждали решение Священного союза. Объявив себя сторонником принципа невмешательства («ни одно правительство не имеет право вмешиваться во внутренние дела другого правительства» [10, с. 337]), Шатобриан сделал существенную оговорку: «Исключая те случаи, когда под прямой угрозой находятся безопасность и жизненные интересы этого правительства» [там же]. При этом, предупреждая возможные возражения своих оппонентов, апеллирующих к английскому мнению, он сослался на опыт Англии. Он привел английскую ноябрьскую декларацию 1793 г., призывающую к интервенции против революционной Франции. Далее, проводя параллели между французской и испанской революциями, Шатобриан заявил, что Священный союз действует вполне в духе английской декларации и более того сама Англия не исключает права вмешательства в исключительных случаях. При этом он сослался на циркуляр Каспри от 19 января 1821 г., в котором говорилось: «Должно быть ясно усвоено, что никакое правительство не может быть в большей степени, чем британское, склонно поддерживать право каждого государства или государств на интервенцию в случае, когда его непосредственной безопасности или его жизненным интересам угрожают внутренние распри в другом государстве» [10, с. 340]. Шатобриан не мог не понимать, что этот циркуляр представляет собой политический анахронизм. Его автор покончил жизнь самоубийством, и во главе внешней политики Британии теперь стоял его личный и идейный враг Дж. Каннинг. С которым, кстати, у самого Шатобриана сложились вполне дружеские отношения еще с тех пор, когда он был послом в Лондоне. Не будет сильным преувеличением сказать, что относительно мирное разрешение испанской проблемы, не переросшей в большую общеевропейскую войну, стало возможным благодаря изначальной установке английского и французского министров на сохранение личных отношений. «Если бы связывающая нас дружба, мосье, смогла бы поддержать взаимную расположенность между нашими странами!» [8, с. 421]. В доверительной беседе с преемником Шатобриана в должности французского посла виконтом Марселем Каннинг сказал: «В настоящих обстоятельствах мы должны извлечь большую пользу из нашего союза. В наших обоюдных интересах действовать согласованно по Мадриду, не показывая, что мы договорились. Я надеюсь, что таким образом мы достигнем мира, и всеобщее счастье будет результатом наших трудов» [8, с. 422].

Для придания переписке интимного характера Каннинг с позволения Шатобриана стал писать ему по-английски. Тем самым французский язык писем самого Шатобриана перестал быть языком официальной дипломатии, и вся их переписка приобрела характер дружеского общения на родных языках.

Политические взгляды Шатобриана и Каннинга в своей основе во многом совпадали: «Я уверен, – писал Шатобриан Каннингу 2 января 1823 г., – что мы понимаем друг друга в практической политике так же, как мы понимаем друг друга в теоретической политике. Вы так же ненавидите радикалов, как я якобинцев, и если Франция и Англия договорятся между собой подавить и тех и других во всех странах, мы скоро положим конец континентальным тревогам» [8, с. 420]. Оба они заявляли о своей ненависти к революциям, о приверженности принципу невмешательства во внутренние дела других государств. Однако «практическая политика» зависела не только от политической теории. Шатобриан прямо писал об этом своему корреспонденту 14 января 1823 г.: «Вы лучше меня знаете, что абсолютные принципы плохо применимы в политике, в человеческих делах есть своя необходимость, и какие бы усилия ни прилагались государственными людьми, они не могут выйти за пределы возможного» [8, с. 432].

Базовые принципы Каннинга и Шатобриана по-разному применяли к конкретным событиям. Каннинг считал, что «в настоящий момент война против революционной Испании потрясла бы до основания французскую монархию и ее еще не сложившиеся полностью институты» [8, с. 424]. Шатобриан в принципе также не исключал такую возможность. Но при этом он уточнял, что «есть два способа погубить правительство: один – через неудачи, другой – через бесчестье. Если революционная Испания сможет похвалиться тем, что она заставила дрожать монархическую Францию, если белая кокарда отступит перед дескамисадосом, то вспомнят о могуществе Империи и о победах трехцветной кокарды. Так вот прикиньте, чем обернутся для Бурбонов эти воспоминания» [8, с. 432–433].

Между тем война, по мнению Шатобриана, если она все-таки начнется, была бы успешной для Франции: «Наш народ воинственен, наше увеличившееся население доставило бы нам, в случае необходимости, более миллиона лучших солдат на континенте. Наши финансы в таком цветущем состоянии, что бюджет этого года покажет, что мы с избытком имеем средства начать кампанию, не устанавливая новых налогов. Нам было бы позволительно надеяться на первый успех в Испании. Успех навсегда привязал бы армию к королю, и заставил бы всю Францию взяться за оружие. Вы даже не представляете, что может значить для нас слово *честь*. День, когда мы будем вынуждены нажать на эту великую пружину Франции, мы сможем сдвинуть мир. Никто еще не пользовался безнаказанно нашими трофеями и нашими

бедами» [8, с. 433]. При этом ответственность за войну Шатобриан перекладывает на Англию, которая своими обещаниями помощи подстрекает испанских революционеров продолжать революцию: «Мир определенно в ваших руках. И если бы, даже не следуя за континентальными державами, вы сочли бы своим долгом обратиться к испанскому правительству с суровыми речами, если бы вы сказали ему конфиденциально: “Мы не будем против вас, но мы не будем и за вас; ваша политическая система чудовищна, она внушает опасения Европе и в первую очередь Франции, измените ее или не рассчитывайте ни на какую поддержку, ни на какую помощь оружием или деньгами со стороны Англии”. Я не сомневаюсь, что в тот же момент все было бы кончено, и Англия бы стяжала славу сохранения мира в Европе» [8, с. 433–434].

Каннинг же со своей стороны, отрицая то, что Англия поддерживает революцию в Испании, считал тем не менее что война против нее была бы бессмысленной, так как любая война, направленная на изменение внутреннего устройства государства, обречена на поражение: «Я понимаю войну за наследство, войну за изменение или сохранение отдельной династии, но войну за изменение политической конституции, войну ради двух палат и расширения королевских прерогатив, войну за подобные вещи я действительно не понимаю, и я не постигаю, как нужно руководить операциями в этой войне, чтобы достигнуть подобного конца. Не хотите же вы на самом деле проповедовать Хартию, как Магомет Коран, или же как в первое время вашей революции Франция проповедовала права человека. Подумайте и о том, не могла бы Испания бросить вам в лицо нечто подобное? Не могла бы она в ответ на упреки, что изменения в ее конституции заставляют литься кровь, сравнить это с 1789, 1792 и 1793? Не могла бы она на обвинения со стороны России в насильственном свержении правительства напомнить императору Александру события, которые предшествовали его восхождению на трон, и Тильзитский договор, который отдал Испанию Бонапарту?» [8, с. 445].

Британский министр не возражал против того, что испанская конституция нуждается в изменении, но он настаивал на том, что это изменение должно быть внесено самим испанским правительством. Его французский коллега сомневался, что сами испанцы способны в обозримом будущем без посторонней помощи произвести «это столь желательное изменение». По его мнению, мир в Европе не совместим с испанской революцией, и ошибка английского правительства заключается в том, что оно полагает себя в безопасности от внутренних потрясений, которые могут быть спровоцированы Испанской революцией: «Мы хотим мира, он является предметом всех наших помыслов. Мы не хотим, чтобы наши солдаты ежедневно подвергались разложению и наши народы бунтовали. Или вы считаете, что мадридские клубы угрожают Англии меньше, чем Франции? Разве у вас нет радикалов вроде наших якобинцев? Разве ваша могущественная аристократия вызывает меньшую нена-

висть у современных уравнилелей, чем сильная королевская prerogativa нашей монархии? У нас общий враг. Однажды утром борцы за законодательную власть смогут объявить в Лондоне, как и в Париже, что надо возродить наши институты, уничтожить обе палаты и установить суверенность *независимыми штатами*» [8, с. 461].

Каннинг в ответ на это продолжал настаивать на том, что надо оставить «испанскую революцию пожирать самое себя в своем собственном кратере. Вам не нужно, – писал он, – бояться извержения, если вы не откроете лаву дорогу через Пиренеи» [8, с. 462]. Один из наиболее сильных его аргументов заключался в том, что Франция снова спровоцирует в Испании народную войну, как это было при Наполеоне: «Вы объединили против Франции мнения всего народа, как одного человека. Вы возбудили против нынешнего государя те же чувства, что и против *узурпатора* Франции и Испании в 1808 г. Более того, я вынужден сказать, что теперь всеобщее согласие более совершенно, чем оно было тогда. Потому что тогда якобинцы с отвращением относились к осуждению их идола. Теперь же они, как и виги и тори, с одного конца страны до другого, все придерживаются одного и того же мнения» [8, с. 465].

Каннинг спорил не только с Шатобрианом, но и с Александром I. На Веронском конгрессе Австрия и Пруссия заняли выжидательную позицию. На интервенции настаивали главным образом Франция и Россия. Для Александра I испанская революция стала удобным поводом подтвердить реальность общеевропейской политики и показать практическую направленность идей Священного союза. Шатобриан в этом отношении был полностью согласен с Александром, и его представления о роли Священного союза во многом строились на политических заявлениях русского царя, в частности о том, что больше «не может быть политики английской, французской, русской, прусской, австрийской. Есть только всеобщая политика, которая должна быть принята всеми сообща народами и королями» [10, с. 346]. В подтверждение этих слов Александр заявил, что он первый продемонстрировал верность этим принципам, когда отказался помогать грекам против Турции вопреки национальным интересам России только лишь потому, что увидел в пелопоннесских возмущениях признак революции. Теперь же общеевропейские интересы, по представлениям царя, требуют, чтобы французские войска вторглись в Испанию. «Может ли государь, способный произнести подобную речь, – риторически спрашивал Шатобриан, – предложить Франции что-то, что ставило бы под угрозу ее независимость и ее счастье?» [там же]. Отказ от интервенции, по мнению Шатобриана, привел бы Францию к изоляции: «Ошибка моих уважаемых оппонентов заключается в том, что они путают независимость с изоляцией. Перестает ли нация быть свободной только лишь потому, что она имеет договоры? Ограничена ли она в своем развитии,

подвергается ли она постыдному ярму только лишь потому, что имеет отношения с равными ей по силе державами и выполняет обоюдосторонние договоры? Какая нация, находящаяся среди других наций, смогла бы обойтись без союзов? Существует ли в истории хоть один пример? Не хотим ли мы превратить французов в своего рода евреев, отделенных от всего человечества?» [10, с. 347].

В историографии закрепилось мнение, что назначение Каннинга главой Министерства иностранных дел привело к кризису Священного союза, так как с его приходом Сен-Джеймский кабинет стал проводить изоляционную политику и противопоставил полицейским методам Священного союза принцип невмешательства во внутренние дела. Однако обращение к источникам дает более сложную картину. Из переписки Каннинга и Шатобриана видно, что в марте 1823 г. Европа стояла на грани новой большой войны. Спровоцировать ее могли стремления Англии воспрепятствовать Франции, действующей по решению Священного союза, подавить революцию в Испании. Судьба мира в этот момент фактически находилась в руках британского и французского министров иностранных дел. Именно Шатобриан перед лицом Англии, представляемой Каннингом, отстаивал принципы Священного союза и вполне искренне доказывал право Франции на подавление Испанской революции. Каннинг пытался представить позицию Франции не как позицию Священного союза, а как стремление одного государства напасть на другое. Но такого рода аргументы не могли убедить ни Австрию, ни Пруссию, ни тем более Россию. Александр I прямо заявил, что в случае объявления Англией войны Франции русские войска вновь окажутся в Европе [8, с. 478]. В ответ на предостережения Шатобриана, что Испанская революция может развиваться по тому же сценарию, что и Французская революция, и обернется большой кровью, Каннинг приводил ассоциации с Английской революцией XVII в., которая, как известно, не вышла за пределы Англии. При этом на всякий случай он обращал внимание на то, что Фердинанд VII не вызывает никаких симпатий даже у тех, кто пытается вернуть его на трон.

Положение Франции было очень сложным. Ее вторжение в Испанию угрожало ей морской войной с Англией. Если же Франция уклонилась бы от выполнения решений Веронского конгресса, то это автоматически означало бы ее выход из Священного союза и заключение союза с Англией. В свою очередь, это привело бы снова к тому, чего хотели избежать – к большой европейской войне. Революция в Испании подавлялась бы силами Австрии, Пруссии и России, которым предстояло пройти через территорию Франции. Необходимо учитывать, что Шатобриан, отстаивая право Франции на вторжение в Испанию, из всех зол выбирал меньшее. И, как показали ближайшие события, он оказался прав. Война в Испании продлилась всего несколько месяцев (с апреля по август 1823 г.), и испанский народ к удивлению всей

Европы не принял в ней участие. По сути дела все вторжение свелось к нескольким военным операциям. Каннинг косвенным образом признал правоту Шатобриана, заявив, по словам Марсея, французского поверенного в делах при английском правительстве, что война «закончилась, едва начавшись. Успех уже не представляется ему сомнительным и он не думает больше ни о чем, кроме того чтобы его разделить» [8, с. 10].

Если Каннинг и Шатобриан при всем различии в их отношении к Священному союзу могли находить точки соприкосновения, то либеральное общественное мнение было настроено непримиримо и, стремясь представить Священный союз в виде ретроградной и реакционной силы, противопоставляло ей либеральную систему Каннинга. В наиболее полном виде эту оппозицию выразил швейцарский агроном Ф. Люлен де Шатовье. Рассуждая об освобождении испанских колоний, он писал, что Священный союз, следуя собственным принципам, должен был бы послать в Южную Америку флот для возвращения колоний испанскому правительству. Если бы он это сделал, то, вероятно, колонии подчинились бы, так как не имели достаточных сил сопротивляться силам Союза. Колонии нуждались в защите от Священного союза, и такую защиту им обеспечила Англия. «Но что бы иметь право защищать Америку от союза континентальных держав, – продолжает Шатовье, – необходимо было установить право, отличающееся от их права, и другие политические принципы. Г-н Каннинг не остановился перед этим, и таким образом он провозгласил систему, на которой основал величие своей страны. Эта система была направлена против системы Священного союза, и Англия, одобritельно приняв ее, встала во главе той новой нравственной силы, которую народы противопоставили преградам на пути их цивилизации» [15, с. 113].

Это один из первых случаев употребления идеологемы «система Каннинга» как альтернативы Священному союзу. При этом надо понимать, что ни Каннинг не был последовательным сторонником принципа невмешательства, ни Священный союз никогда не провозглашал противоположного принципа. Не менее правомерным было бы противопоставить «систему Каннинга» как следование национально-эгоистическим интересам и систему Священного союза с его стремлением видеть Европу единой христианской семьей, в которой снимается само противопоставление вмешательства и невмешательства во внутренние дела.

Именно так представлял суть дела Шатобриан в своих парламентских выступлениях. Священный союз в его интерпретации выглядел как объединение европейских монархов и народов на основе христианской морали: «Государи, исполненные умеренности и справедливости, короли – честные люди, которых подданные хотели бы иметь у себя в друзьях, если бы они не были их правителями» [10, с. 345]. Эти идеи при всем их романтизме Шатобриан

считал вполне реальным следствием утверждения в Европе принципов Священного союза. Гибельную альтернативу этим принципам он видел в политике Каннинга, которая, по его мнению, сводится к эгоистической заботе об английской промышленности: «Его политика не романтична. Он жестко заявил Испании, что Англия никогда не поднимала оружия за Бурбонов. Он столь же жестко отказал в помощи эллинам, которую на Темзе готовы были им оказать. Он все оборачивает на процветание Англии: и рабство народов, и свободу людей. Он предпочитает Боливара турецкому султану. Он будет против греков вместе с лондонскими купцами и против испанских республик вместе с ливерпульскими купцами. Если поворот судьбы пробудит другие интересы, он будет за греков и против республик» [10, с. 148–149].

Возвращаясь к Александру I, мы не можем определить степень искренности его представлений о возможности строить международные отношения на христианской основе. Сам он никогда не подчеркивал свое «авторство» идеи Священного союза. Напротив, Александр хотел убедить себя и окружающих в том, что он, пользуясь властью и политическим превосходством над европейскими монархами, данными ему Богом, лишь воплощает в жизнь насущные идеи своего времени. В воспоминаниях прусского епископа Эйлерта приводятся слова Александра, приписывающие идею религиозно-нравственного обновления политической жизни Европы прусскому королю Фридриху Вильгельму III: «Во дни битв при Люцене, Дрездене, Бауцене, – говорил Александр Эйлерту, – после стольких бесплодных усилий, или несмотря на величайший героизм наших войск, мы тем не менее вынуждены были отступить; ваш король и я, мы не могли не прийти к убеждению, что власть человеческая ничтожна и что Германия погибнет, если не будет особенной помощи и благословения божественного Промысла. Мы ехали рядом, ваш король и я, без свиты; мы оба были серьезны, предавшись своим размышлениям, и молчали. Наконец, этот любезнейший из моих друзей прервал молчание и обратился ко мне с этими словами: “Так дело не может идти! Мы направляемся к востоку, между тем мы хотим, и мы должны идти к западу. Мы придем туда, с Божьей помощью. Но если, как я надеюсь, Бог благословит наши соединенные усилия, тогда провозгласим перед лицом всего мира наше убеждение, что слава принадлежит Ему одному”. Мы обещали это друг другу, и мы искренне пожали руки» [цит. по: 2, с. 357]³.

3. Совершенно другую картину рисует Каслри в своем донесении Ливерпулю от 28 сентября 1815 г., написанном по горячим следам: «Я должен сообщить вам, что хотя австрийский император и является внешним представителем (*organe apparent*), все распоряжения исходят от императора России, дух которого в последнее время принял глубоко религиозный оборот». Далее рассказывается, как Александр буквально заставил подписать Акт о Священном союзе Франца I и Фридриха Вильгельма III. Со

Немаловажную роль играло и то обстоятельство, что Россия, в отличие от Австрии и Пруссии, в войне с Францией не могла компенсировать свои потери приобретением территорий. Это открывало возможность представить позиции русской дипломатии в очень выгодном свете. Александр, открыто заявлявший о защите интересов своих вчерашних врагов – Франции и Польши, вполне мог позволить себе встать выше узконациональных интересов европейских стран и предложить им новые принципы дипломатических отношений. В дипломатических кругах передавались слова Александра: «Всеобщая система, которой мы следуем, несовместима с комбинациями старой политики». Ему поверили и за ним пошли люди, для которых нравственность была выше политики. Шатобриан наиболее показательный пример в этом отношении. И наоборот, политики, с которыми царь собирался строить новую Европу, встретили его идеи либо насмешками, либо тяжелыми подозрениями. Рассеивая эти подозрения, царь вынужден был идти на уступки традиционной дипломатии. Это породило раздвоенность самого понятия Священного союза и, как следствие, сложность его интерпретаций.

Библиография

1. Парсамов В.С. «Апокалипсис дипломатии» («Акт о Священном союзе» в интерпретации К.-В. Меттерниха, баронессы Крюденер, Жозефа де Местра и Александра Стурдзы) // Освободительное движение в России. Саратов, 2003. Вып. 20. С. 44–66.
2. Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. Пг.: Огни, 1916. 486 с.
3. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1904. Т. 119. 896 с.
4. Сен-Симон А. Некоторые философские рассуждения для применения в XIX веке // Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 273–317.
5. Bertier de Sauvigny G. La Sainte-Alliance. Paris, 1972. 383 p.
6. Bonald. Législation primitive considérée dans les derniers temps par les seules lumières de la raison. Paris, 1802. Т. 1. 560 p.
7. Bourquin M. Histoire de la Sainte Alliance. Genève, 1954. 507 p.
8. Chateaubriand. Congrès de Vérone. Paris; Leipzig, 1838. 488 p.
9. Chateaubriand. De Buonaparte et des Bourbons. Paris, 1814. 140 p.
10. Chateaubriand. Oeuvres complètes. Paris, 1975. Т. 8.
11. Courrier français. 1822. 28 Oct.
12. Edling la comtesse. Mémoires. Moscou, 1888.

слов Меттерниха, Каслри сообщает своему корреспонденту о затруднении (embarras), в котором оказался австрийский император: «Он испытал сильное отвращение участвовать в подобном акте, но еще больше он боялся отказать в настойчивой просьбе императору [России] <...> Короче говоря, не видя средств уклониться, австрийский император согласился подписать этот документ после изменения в нем нескольких слов». Примерно так же, судя по письму Каслри, обстояло дело и с Фридрихом Вильгельмом: «Русский император отнес затем его (текст Акта. – В. П.) прусскому королю, который реагировал подобным же образом, но в итоге пришел к тому же заключению» [цит. по: 5, с. 66–67].

13. Ley F. Alexandre 1er et sa Sainte-Alliance (1811–1825). Paris, 1975.
14. Ley F. Madame de Krüdener. 1764–1824. Romantisme et Sainte-Alliance. Paris, 1994.
15. Lullin de Chateaufieux F. Lettre de Saint-James. 5e partie. Paris; Genève, 1826.
16. Mahul A.J. De la Sainte-Alliance et du prochain congrès. Paris, 1822.
17. Österreichischer Beobachter. 1816. 5 Nov.
18. Pirenne J-H. La Sainte-Alliance. Organisation européenne de la paix mondiale. Paris, 1946. T. 1–2.
19. Pradt D. L'Europe après le congrès d'Aix-la-Chapelle faisant suite au congrès de Vienne. Paris, 1819.
20. Saint-Simon C.I.H. Quelques opinions philosophiques à l'usage du XIX siècle // Opinions littéraires, philosophiques et industrielles. Paris, 1825. P. 25–86.
21. Saint-Simon, Thierry A. De la réorganisation de la société européenne, ou de la nécessité et des moyens de rassembler les peuples de l'Europe en un seul corps politique, en conservant à chacun son indépendance. Paris, 1814.

References

- Bertier de Sauvigny G. La Sainte-Alliance. Paris, 1972. 383 p.
- Bonald. Législation primitive considérée dans les derniers temps par les seules lumières de la raison. Paris, 1802. T. 1. 560 p.
- Bourquin M. Histoire de la Sainte Alliance. Genève, 1954. 507 p.
- Chateaubriand. Congrès de Vérone. Paris; Leipzig, 1838. 488 p.
- Chateaubriand. De Buonaparte et des Bourbons. Paris, 1814. 140 p.
- Chateaubriand. Oeuvres complètes. Paris, 1975. T. 8.
- Courrier français. 1822. 28 Oct.
- Edling la comtesse. Mémoires. Moscou, 1888.
- Ley F. Alexandre 1er et sa Sainte-Alliance (1811–1825). Paris, 1975.
- Ley F. Madame de Krüdener. 1764–1824. Romantisme et Sainte-Alliance. Paris, 1994.
- Lullin de Chateaufieux F. Lettre de Saint-James. 5e partie. Paris; Genève, 1826.
- Mahul A.J. De la Sainte-Alliance et du prochain congrès. Paris, 1822.
- Österreichischer Beobachter. 1816. 5 Nov.
- Parsamov V.S. «Apokalipsis diplomatii» («Akt o Svjashhenom sojuze» v interpretacii K.-V. Metterniha, baronessy Krjudener, Zhozefa de Mestra i Aleksandra Sturdzy») // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Saratov, 2003. V. 20. P. 44–66.
- Pirenne J-H. La Sainte-Alliance. Organisation européenne de la paix mondiale. Paris, 1946. T. 1–2.
- Pradt D. L'Europe après le congrès d'Aix-la-Chapelle faisant suite au congrès de Vienne. Paris, 1819.
- Pypin A.N. Religioznye dvizhenija pri Aleksandre I. Petpograd: Ogni, 1916. 486 p.
- Saint-Simon C.I.H. Quelques opinions philosophiques à l'usage du XIX siècle // Opinions littéraires, philosophiques et industrielles. Paris, 1825. P. 25–86.
- Saint-Simon, Thierry A. De la réorganisation de la société européenne, ou de la nécessité et des moyens de rassembler les peuples de l'Europe en un seul corps politique, en conservant à chacun son indépendance. Paris, 1814.
- Sbornok Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. Saint Petersburg, 1904. V. 119. 896 p.
- Sen-Simon A. Nekotorye filosofskie rassuzhdenija dlja primenenija v XIX veke // Sen-Simon A. Izbrannye sochinenija. V. 2. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. P. 273–317.